Тонкая штучка

Автор:
Татьяна Полякова

Тонкая штучка

Татьяна Викторовна Полякова

Авантюрный детектив

В областном городе погибает московский "авторитет". Брат бандита приезжает мстить и сразу же выходит на молодую учительницу Юлию – она последней видела погибшего. В городе зазвучали выстрелы – идут бандитские разборки. Но на подозрении у бандитов учительница – она прекрасно водит машину, без промаха стреляет, разбирается в психологии… Кто же она на самом деле? Подсадная утка или…

Татьяна Полякова

Тонкая штучка

Вечер ничего не обещал. Несколько минут я разглядывала телефон: очень хотелось позвонить сыну. Однако частые звонки могут быть восприняты свекровью как недоверие с моей стороны, да и мальчику не помешает некоторая самостоятельность. Позвоню в субботу, как договорились. Я поставила на плиту чайник и отправилась в ванную, постояла под душем, накинула махровый халат и вернулась в кухню. Заварила чай, нарезала лимон толстыми дольками и с подносом в руках прошла в комнату. Устроилась в кресле, блаженно прихлебывала чай и прислушивалась к детским голосам во дворе. Потом взяла том Шекспира в английском издании и погрузилась в чтение.

Погружение было основательным: Шекспира я любила, и роковые страсти леди Макбет меня необычайно волновали. Когда я подняла голову, часы показывали половину одиннадцатого. Детские голоса за окном стихли, Вера Петровна из восьмой зычно крикнула: «Ленька, быстро домой!» – и стало почти тихо. Я сладко потянулась, косясь на лимон, и решила, что не грех выпить еще чайку. Вот тут и раздался звонок в дверь.

В самом факте, что в дверь звонят в это время, не было ничего необычного, но звонок неожиданно внес беспокойство в мою умиротворенную душу: резкий, не прекращающийся, он вызывал тревогу. Бегом я кинулась к двери, с перепугу забыв спросить «кто?», повернула замок, и тут дверь под чьей-то тяжестью распахнулась так, что я едва успела отскочить в сторону, и в прихожую, странно согнувшись, вошел человек. Вскинул голову с землисто-бледным лицом, сказал отчетливо: «Помоги» – и рухнул на пол. Я слабо охнула. Человек на полу не шевелился.

– Мамочка моя! – взвизгнула я, опасливо выглянула за дверь и торопливо ее захлопнула. А потом затопталась рядом с гостем. – Послушайте, – вконец растерявшись, шептала я. – Вам плохо? Может быть, вы встанете? – Нет, вставать он не собирался. Лежал, подобрав под себя руки, совершенно неподвижно и очень страшно. Я опять тихонько взвизгнула и, замирая от страха, присела рядом. – Вы меня слышите?

Я потянула его за плечо. Это оказалось довольно трудным делом: мужчина был крупный. С третьей попытки мне удалось повернуть его на спину, кожаная куртка распахнулась, на груди, на светло-голубой шелковой рубашке, расползлось огромное кровавое пятно.

– Боже мой, – прошептала я и увидела его лицо: он смотрел на меня широко распахнутыми мертвыми глазами. Вот тут я заорала по-настоящему. В дверь звонили и стучали. «Юля, Юля, что случилось?» – звала Вера Петровна, а я, заходясь в истерике, топала ногами, вопила: «Помогите, вытащите меня отсюда!» – и только минут через пять сообразила отпереть замок.

Выскочив из квартиры, я хлопнулась на чьи-то руки, а в себя пришла уже на диване, от боли. Мне делали укол в вену, врач, молоденькая женщина, что-то говорила ласково, а по комнате расхаживали два милиционера. Я пожалела, что очнулась.

– Вы утверждаете, что никогда его не видели раньше?

– Утверждаю, – кивнула я и потянулась к чаю. Руки противно дрожали, а чай казался безвкусным.

– Значит, не видели. Так. А почему он, по-вашему, пришел именно к вам?

– Потому что у меня первая квартира. Первый этаж, первый подъезд. Все идут. Алкаши за стаканом, электрики за табуреткой, а те, кто номер квартиры любимой девушки запамятовал, – за сведениями.

Бывший муж, он сидел в кресле, криво усмехнулся и кивнул.

– Рядом с подъездом мы обнаружили его машину, пока точно не установлено, где совершено нападение и сколько времени после этого он находился за рулем, но ясно одно: он куда-то хотел доехать и оказался у вас. Как вы это объясните?

– Никак, – ответила я. Вопросы мне изрядно надоели, в них не было смысла, потому что ответов я не знала.

– Значит, никак?

– Не дави на нее, – вмешался бывший муж.

Лейтенант откашлялся и опять обратился ко мне:

– Может быть, вы встречались раньше, подумайте. Может быть, общие знакомые, может быть, он бывал у вас с подругой? Успокойтесь, подумайте.

– Нечего мне думать, – покачала я головой. – Я его никогда не видела, никогда, и понятия не имею, почему он пришел именно ко мне.

Тут зазвонил телефон. Молоденький бойкий милиционер схватил трубку и передал ее лейтенанту.

– Слушаю, – гаркнул тот. Потом пошли «да», «ясно», после чего он поджал губы и с видимым облегчением передал трубку моему бывшему мужу:

– Валерий Николаевич, паренек этот хорошо в Москве известен и по твоему ведомству проходит.

Тут бывший муж гаркнул:

– Что там? – нахмурился, несколько раз бросил «да» почти с равными промежутками, потом повесил трубку и сказал, глядя на меня: – Да как же это его черт занес в твою квартиру?

Я пожала плечами и заревела.

Мои отношения с милицией последний год были прохладными, точнее, их не было вовсе. Теперь, с моей точки зрения, они стали чересчур обременительными. У меня было ощущение, что я имею дело со слабоумными: и раздражать опасно, и надоедливы очень, потому следовало набраться терпения и в сотый раз на вопрос «почему?» отвечать «не знаю». Между прочим, тот же вопрос задавала себе я. В самом деле, почему? Проблема была в том, что ответа я не знала…

В конце концов в милиции все-таки утомились и оставили меня в покое. Но покоя в мою душу это не внесло. Изо всех сил я пыталась отнестись к происшедшему философски, утешаясь тем, что время пройдет и все забудется. В четверг мои надежды рухнули, как карточный домик. Я даже не удивилась, что все началось со звонка в дверь.

Я выскочила во двор с мусорным ведром, а вернувшись, увидела в подъезде возле своей двери бритого детину зверского вида, который давил на кнопку моего звонка. Первым побуждением было пройти мимо, и я почти прошла, но он обернулся, взглянул на меня, и под этим взглядом я вдруг брякнула:

– Здрасте, вы ко мне?

Он внимательно оглядел меня с ног до головы, а я спрятала ведро за спину и по-дурацки улыбнулась.

– Зовут как? – спросил он.

– Юлия Михайловна, – ответила я, напряженно выжидая: хлопнется бритый в мой коридор или на ногах устоит? Как выяснилось, на ногах он стоял крепко, кивнул и сказал:

– Поговорить надо.

Дрожащей рукой я открыла дверь и прошла в кухню, бритый за мной. Вел он себя нахально, заглянул в комнаты, сунул нос в ванную и даже в туалет, потом сказал, стоя спиной ко мне: «Порядок».

– Что? – не поняла я, ответить он забыл. – Послушайте, вы вообще кто? – разозлилась я и замолчала: в квартире появились еще трое.

«Что ж это я на море не уехала, ведь отпуск у меня», – пронеслось в голове. Я разглядывала гостей, а они меня. С моей точки зрения, зрелище было удручающим. Хоть телефон и находится под рукой, но позвонить я вряд ли сумею. Поэтому попыток пошевелиться я не делала, сидела на стуле и их разглядывала.

Все четверо были одеты в джинсы и шелковые рубашки. Тот, что ближе ко мне, сверкал бриллиантом на пальце и цепью на шее, у второго цепь была витой, у третьего толщиной в палец и с крестом граммов пятнадцать весом, у четвертого цепь, как у дворовой собаки, так что странно было, как он голову может держать, а крест украшен бриллиантами – из чего я заключила, что он здесь главный. Как оказалось, я ошиблась: главным был обладатель витой цепочки без креста. Он сел, устроившись с возможными удобствами, на моем диване, закурил и сказал как-то лениво:

– Ну, что, расскажи нам, как все было.

– Что? – с трудом сглотнув слюну, спросила я. Он молчал, и остальные молчали, меня надолго не хватило – я спросила опять: – Это про покойника, что ли? – Кашлянула и сказала обреченно: – Я уже сто раз рассказывала.

– Расскажи в сто первый, – усмехнулся бритый. Тот, что с витой цепочкой, кивнул типу с бриллиантовым крестом: – Присмотри, – и тот исчез. Я с томлением посмотрела на все четыре угла моей кухни и вздохнула. Пауза затянулась, никого, кроме меня, это, как видно, не волновало. Я поежилась и спросила:

– А вы кто?

– Гиви, – позвал сидящий напротив меня тип, не вынимая сигареты изо рта. Бритый сделал шаг, схватил меня за шею и ткнул лицом в стол. Я взвыла, он разжал руки, а я стала вытирать кровь из разбитого носа, схватив полотенце, и, не удержавшись, брякнула:

– Псих.

Удар последовал мгновенно, слезы брызнули из глаз, я опять схватила полотенце и уткнулась в него лицом. Спрашивать, кто они, охоты больше не было. Гиви приткнулся возле стола рядышком со мной, скрестив на груди здоровенные ручищи. Я поежилась и сказала жалобно:

– Бить меня не обязательно.

Все трое разом усмехнулись.

– Ну? – открыл рот Гиви.

– Что «ну»? – спросила я и торопливо дернулась в сторону. – Не знаю я ничего. Он позвонил в дверь, я открыла, он упал в коридор. Я испугалась, стала звать на помощь. Приехали «Скорая» и милиция. Он уже умер. – Я поежилась и добавила: – Все.

– Все? – спросил тип напротив, глядя мне в глаза, и под этим взглядом я вдруг поняла, что жизнь моя не стоит и копейки. В его глазах я была ничто, даже меньше, чем ничто. Ему ничего не стоило раздавить меня, как таракана или пачку из-под сигарет. Это было так страшно, так чудовищно страшно, что какое-то мгновение я была близка к обмороку. Выдержать его взгляд было почти невозможно, но необходимо, если я хотела жить. Собрав всю волю, я по-собачьи уставилась в его глаза, то и дело моргая. Он перевел взгляд на Гиви, я опасливо

на него покосилась и опять уставилась прямо перед собой с максимальной честностью в глазах.

– Может, ты еще скажешь, почему он к тебе пришел? – спросил Гиви.

Я вздохнула и заунывно начала:

– Ко мне все идут: алкаши за стаканом, электрики за табуреткой… у меня квартира первая.

Они переглянулись, я выжидательно замолчала.

– Еще раз, и подробнее, – сказал тип с витой цепочкой.

Я стала рассказывать с максимальными подробностями, где-то на середине запнулась и попросила:

– Послушайте, мне в туалет нужно. Срочно.

– Что? – переспросил Гиви.

– Не могу я больше, – зло сказала я, морщась от боли, и бросилась в туалет. Там я посидела пару минут, жалобно поскуливая, потом вернулась в кухню, вымыла руки и уселась, сложив ладони на коленях и поджав ноги. – На чем я остановилась? – спросила вежливо, мне никто не ответил, я сказала: – Ну вот, – и продолжила свое повествование. Оно им не понравилось, это было ясно. Честно говоря, оно и мне не нравилось. Только другого не было. Тип напротив сидел, опершись на локоть, и смотрел исподлобья. Жуткий взгляд. Наконец он заговорил:

– Квартира у тебя первая… Стреляли в него в двух километрах от твоего дома. Он проехал два кэмэ, чтобы позвонить в первую квартиру?

– Я не знаю, почему он проехал два кэмэ. Меня в милиции замучили вопросами, только…

Гиви резко выбросил руку, но я за ним следила: рука зависла в воздухе. Парень, который молча стоял, привалившись спиной к моему холодильнику, неожиданно фыркнул. Я замерла, ожидая, что последует за этим. Гиви удивил меня несказанно: вместо того чтобы разозлиться, усмехнулся краем губ, выжидательно глядя на старшего. Тот потер ладонью щеку и сказал как-то лениво:

– Может, ты ничего не знаешь, а может быть, тебе так просто кажется. Я думаю, тебе надо помочь.

– Я же не отказываюсь, – вяло заметила я, косясь на Гиви. Тот подошел к плите, зажег все четыре конфорки и вернулся ко мне. В первую секунду я испугалась, что сейчас умру, еще через секунду – что этого не случится.

– Значит, ты его раньше не видела? – спросил Гиви, рывком поднимая меня за шиворот. – Мишка, есть что-нибудь ей пасть заклеить, чтоб не орала? – обратился он к парню у холодильника.

– Не буду я орать, – торопливо заверила я. – Не надо мне пасть заклеивать, и вообще ничего не надо.

– Вот я тебя сейчас на плиту задницей посажу, бьюсь об заклад, что-нибудь да вспомнишь.

До плиты была пара шагов.

– Чего вы хотите? – охнула я.

– Помочь тебе вспомнить.

Я почувствовала, как ноги у меня подкосились, и повисла на руках у Гиви. Он явно не шутил, жар плиты доходил и сюда, я уставилась на типа с витой цепочкой и вдруг взвизгнула.

– Не надо, я вспомнила. – Руки разжались, и я мешком осела на пол.

– Вот видишь, – лениво сказал старший, не меняя позы. – Что ты вспомнила?

– Подробно рассказывать? – спросила я.

– Подробно, – кивнул он.

– Мне в туалет надо.

– Перебьешься.

Я покачала головой:

– Нет. Честно, надо.

Он кивнул, а я оказалась в туалете, разглядывала потолок и собиралась с мыслями. Они не радовали.

– Эй, ты! – рявкнул тот, кого звали Мишкой.

– Иду, – с тоской отозвалась я и вернулась в кухню. Газ все еще горел, я вздохнула и сказала:

– У меня сломался телевизор. – Гиви подался вперед, я дернулась и заныла. – Сами же сказали – подробно. – Старший едва заметно кивнул. Гиви сложил на груди руки и замер. – У меня сломался телевизор, а у подруги их два. Один маленький, переносной, с ручкой. И я поехала к ней за телевизором. Но он хоть и маленький, но неудобный. В троллейбусе с ним не поедешь. Я стала машину ловить, и он остановился, то есть этот, кого убили. Привез меня сюда, денег не взял. Я поблагодарила. А он сказал: «Давайте отнесу» – и отнес. Я предложила выпить кофе, он согласился, мы выпили по чашке, познакомились. Милый человек. Зовут Сережа. Сказал, что из Москвы. А здесь по делам.

– По каким делам? – спросил тип напротив.

– Не знаю, просто сказал: «По делам». Я сказала: «Спасибо, что помогли», а он: «Спасибо за кофе». Я проводила его до двери и села читать. А потом звонок. Открываю, он вошел, сказал: «Помоги» – и упал. Все. Честно, все, – я вздохнула.

– Павел, ты ей веришь? – подал голос Гиви.

Тип с витой цепочкой, которого, как оказалось, звали Павел, долго молчал, потом опять потер щеку и спросил:

– Сколько времени прошло?

– Два часа. Точнее, два часа пятнадцать минут, – добавила я, стараясь быть полезной. – Когда он ушел, я телевизор включила, шли «Вести», а когда в дверь позвонил, я на часы посмотрела, было пятнадцать минут одиннадцатого.

– Ты почему ментам ничего не рассказала?

– Так они спрашивали, знаю ли я его. Так разве я его знаю? Он был здесь десять минут. Чашку кофе выпил. Сережа из Москвы. А потом вошел и умер. Сидел вот здесь, где вы сидите, веселый милый парень, а через два часа умер у меня на глазах. Это как? – Я заскучала, разглядывая свои ноги.

– Ума не приложу, что у него здесь за дела, – покачал головой Гиви.

– Не было у него здесь никаких дел и быть не могло, – отрезал Павел. Посидел, помолчал и спросил: – Ну, что ты нам еще расскажешь?

– Вам что, надо, чтоб я врать начала? Так вы хоть намекните, что у меня фантазия убогая, опять же, боюсь не угодить.

– Поговори, – сурово сказал Гиви, и я примолкла. Павел меня разглядывал. Вид у меня был придурковатый и, с моей точки зрения, чистосердечный.

– Все-таки задницу тебе подпалить стоит, – сказал он, я заревела и стала в туалет проситься.

Тут раздался голос бывшего мужа:

– Руки вверх, – и в кухне появился он сам с пистолетом в руке, за его спиной возник тип с алмазным крестом и тоже с пистолетом, сказал ласково:

– Ты железякой-то не балуйся, брось на диван.

По моему мнению, бывший всегда был законченным идиотом. Мишка его обыскал, заглянул в документы, хмыкнул и передал их Павлу.

– Мент.

Тот равнодушно взглянул на удостоверение, потом на меня и сказал, ни к кому не обращаясь:

– Шестой отдел, значит? Интересно.

– Это мой муж, – сообщила я, изо всех сил стараясь быть полезной.

– Ну что, мент? Садись давай, поговорим. – Бывший, его, кстати, зовут Валерка, сел на табурет и принялся всех рассматривать. – Дела такие, – продолжал Павел. – На днях в этой квартире погиб мой брат. Ты знаешь, кто он, значит, знаешь, кто я. Чтобы было совсем ясно, расскажу кое-что из нашей биографии. Папаню мы в глаза не видели, а мать в тюрьму пристроили, когда Сереге было десять, а мне четырнадцать лет. Так что он мне навроде сына. И я паскуду, что его убила, из-под земли достану. Каким боком тут твоя жена – сам думай. Все уяснил, мент?

Валерка кивнул, закинул ногу на ногу и запел:

– В нашем городе чепе – из автоматов расстрелян человек. Убийцу мы найдем, и он будет наказан по всей строгости закона. Не вижу повода для разногласий. При чем здесь моя жена?

– Бывшая, – торопливо влезла я.

– Бывшая, – кивнул он.

– В гробу я видел ваш закон. Я сам себе закон. Ясно? А ты, если хочешь свою бывшую живой видеть, поможешь.

Мне это совершенно не понравилось, о чем я не замедлила сказать, жаль, что на меня никто не обращал никакого внимания.

– Грозить мне глупо, – вздохнул Валерка. Правильно, ему что, не его убьют.

– Брось, мент. Скажи путное. Автоматы в вашем городе у кого имеются?

Валерка усмехнулся:

– Мы в него не стреляли. Зачем? Если честно, никто и знать не знал, что он здесь ошивается.

– Во-во, расскажи-ка нам, кто у вас в городе хозяин.

– Законная власть.

– Ты дурака-то из себя не строй, и так не больно умный. Расскажи-ка нам, мент, про местную братву.

Валерка поразмышлял, я прямо-таки видела, как в голове его медленно крутятся колесики с зубчиками, цепляясь друг за друга.

– Что ж, – сказал он. – Кое-какой информацией я могу поделиться. – Делиться бывший не любил, это я хорошо знала, значит, усмотрел в ситуации какую-то для себя выгоду и уже мечтал о новой звездочке. Играть в его игры у меня желания не было, я ему в магазине расплачиваться не доверяла, а тут, как ни крути, речь идет о моей жизни. Я злилась, а Валерка информацией делился: – В городе четыре крупные группировки. Номер первый: Матвеев Виктор Васильевич, кличка Мотя, называть его так не рекомендую. Сорок семь лет, рецидивист, наркоман, садист. Рост метр шестьдесят четыре см, лысина, лицо в оспинах, глаза небольшие, темные, зубы – весь перед золотой, на запястье левой руки татуировка: якорь, на пальцах правой имя «Витя». Самый опасный тип в городе на сегодняшний день. Хвастал, что может собрать до пятисот боевиков. Врет. Но банда серьезная, хорошо вооружена. Номер второй: Громов Александр Павлович, кличка Боксер, к уголовной ответственности не привлекался, выпорхнул из спортсменов. Оттуда и кличка. Тридцать два года, рост сто семьдесят восемь, красавец, бабник. Волосы темные, глаза тоже темные, большие, нос слегка

приплюснут, подбородок с ямочкой. Мотю с его воровскими заморочками ненавидит страшно. Номер третий: Панкратов Алексей Викторович, тридцать два года, бывший воин-интернационалист, отсюда кличка Афганец, его узнаете сразу, ранен был в голову, лицо изувечено. С войны вернулся героем, имеет боевой орден, у него большой авторитет среди «афганцев», а их у нас в области много. Уголовников не жалует. Если между Мотей и Боксером начнется война, поддержит Боксера. Номер четвертый: Колеватых Сергей Владимирович, двадцать семь лет, кличка Косой. Он на Крамарова похож. В шестнадцать лет привлекался за драку, ходят слухи, на зоне себя не показал. В группировке в основном малолетки, но пара автоматов и у него найдется. Мотю боится до судорог, в случае чего – примкнет к нему. Время от времени все собираются в казино, есть у нас такой притон «Встреча», вот там и встречаются.

Пока Валерка памятью бахвалился, я томилась. Словоохотливость бывшего мужа вызывала опасения. Теперь я сомневалась, так уж ли случайно он возник на моей кухне. Размышлять об этом не хотелось, и я, чтобы отвлечься, своих гостей разглядывала. Теперь их физиономии не казались зверскими и особенно страшными. Даже бритый наголо Гиви был симпатичен на особый бандитский манер. Я прикинула: хорошо это или плохо для меня. Выходило, что никак. И в самом деле, какая разница, кто меня убьет: симпатичный с виду парень или не очень. Хотя, из-за врожденного эстетического чувства, симпатичный предпочтительней. Росту в Гиви метра два, бывший далеко не коротышка, но этому и он чуть выше плеча. Здоровенные ручищи, грудь и даже шея покрыты густой черной шерстью. Большие темные глаза полуприкрыты веками. Понаблюдав за ним, я решила: этот убьет, только если прикажут. Утешение слабое, и все же… Беспокойство вызывал Мишка: рослый, плечистый, с ярким, запоминающимся лицом, пустыми глазами, лыбится, это пугает. Такому что прикурить, что в затылок выстрелить – все едино.

Витек выглядел обыкновенным парнем тридцати с небольшим лет. Надо полагать, из бывших спортсменов. Он как будто скучал, а на меня и вовсе не обращал внимания. Самой большой проблемой был, конечно, Павел. Рыжеватый блондин с короткой стрижкой и взглядом кобры. Высокий, крепкий мужик, по которому жизнь прошлась круто и который сам гулял по ней, не заботясь о том, где пройдут другие. Вот уж о чем и думать тошно, так это о таком враге, как он.

Тут бывший наконец заткнулся, что прервало мои размышления. Павел привычно потер щеку, взглянул исподлобья на Валерку, и я со злорадством отметила, что тот глаза торопливо отвел.

– Что ж, мент, – сказал Павел. – Излагаешь гладко. Значит, любой из четверых. Только просто так из автоматов не палят. Повод нужен. А я его не вижу, – и добавил как будто для себя: – Понять не могу, что он здесь делал.

– Приезжал он трижды за последние два месяца, каждый раз останавливался в «Дружбе», гостиница «Интуриста». Жил по нескольку дней. Тихо, незаметно, гостей не принимал. Обедал в ресторане в одиночестве. Пенсионер, да и только.

Мишка фыркнул и сказал презрительно:

– Это Серега-то?

Но Павел его перебил:

– Вот что, Витек, сгоняй в эту «Дружбу», персонал поспрашивай, ментам могли не сказать, а тебе скажут.

Витек молча кивнул и исчез. Бывший демонстративно посмотрел на часы.

– Беседа наша затянулась, – сказал, ухмыляясь. – А у меня дела.

– Топай, не держу.

– Где вы остановитесь? – Подлец, честное слово, нет бы прямо спросил: «Когда вы уберетесь отсюда?»

Павел криво усмехнулся:

– Мы тебе сообщим. И вот еще что. Жена твоя с нами побудет. Ты по-хорошему, и мы по-хорошему, а если… в общем, понимаешь.

– Зачем она вам? – удивился Валерка. – Она-то здесь при чем?

– Может, ни при чем, а может, наоборот. Есть здесь что-то, мент, чувствую. Ты не переживай, твою бывшую не обидим.

Меня это ничуть не успокоило, я попыталась возражать, Павел бросил равнодушно:

– Заткнись. – И я заткнулась.

Валерка кивнул мне и исчез. Я заревела с досады и стала в туалет проситься. В туалет отпустили.

Когда я оттуда вернулась, все трое сидели в моей комнате и тупо пялились в телевизор. Чтобы не мозолить им глаза, я ушла в спальню, легла на кровать поверх покрывала и стала разглядывать потолок, пытаясь отгадать загадку тридцатилетней давности: чего это мне так везет?

Вот, к примеру, этот покойник, угораздило его умереть в моей квартире, квартир в городе сколько угодно. Неизвестно, что там Витек раскопает и как это на мне отразится. Валерка тоже хорош. Взял и ушел. Конечно, не просто ушел. Просто так он ничего не делает. Только в его ведомстве мне зарплату не платят, и помогать ему звездочку зарабатывать мне совсем не хочется. И вообще, куда милиция смотрит? Мало того что в моей квартире покойник объявился, теперь еще и бандиты прибыли, и вроде бы никто не видит в этом ничего особенного и спасать меня не спешит.

Черт-те что… Форточка над головой большая, пролезть в нее я сумею. Осчастливлю бабулек на скамейке. Я покосилась на своих гостей: сидят, в телевизор уставившись. Я приподнялась с постели, косясь на них, а Гиви приподнялся в кресле, косясь на меня. Встать и дверь закрыть. Почему бы и нет? Мало ли что, может, мне переодеться надо. Я встала и дверь прикрыла. Через пять секунд она распахнулась, на пороге стоял Гиви и поинтересовался ехидно:

– На словах поймешь или руками объяснить?

– А что я сделала? – запаниковала я.

– Дверь держи открытой.

– Пожалуйста, – пожала я плечами и опечалилась. Смогу я за пять секунд добежать до форточки и в нее себя пропихнуть? Вопрос. Знать бы, как все

обернется, потренировалась бы на время. Положим, в форточку я протиснусь, а дальше? Вряд ли они старушек на скамейке испугаются, если Валерка, какой-никакой, а милиционер, совсем им не показался? Да, нет к властям уважения. Народ пошел наглый, приезжают, сидят возле телевизора и никого не боятся.

Пожалуй, в форточку лезть не стоит. Ну ее, в самом деле. Еще и застрянешь, чего доброго. Интересно, что Валерка делает? Наверное, сейчас они разрабатывают операцию по моему спасению. Я представила большую комнату. За длинным столом суровые люди в форме, и один из них, самый суровый, в красивом мундире, с серебристой сединой в волосах, говорит: «Мы должны спасти ее любой ценой». Я так расчувствовалась, что едва не всплакнула. Интересно, как меня будут спасать? Переговоры предпочтительней. Эти, конечно, самолет потребуют и денег. Ой, куда это меня занесло? Зачем им самолет? И в деньгах они, видимо, не нуждаются. Павлу убийца брата нужен, так где ж его взять? Было б это просто, так уж, верно бы, нашли, а насколько мне известно, следствие на месте топчется. Значит, группа захвата. Я поежилась. Может, не стоит меня освобождать? Сказал же Павел: с твоей бывшей ничего не случится. Или он как-то не так сказал? Ведь не пойдешь уточнять… Пожалуй, освобождать меня и в самом деле не стоит, уж как-нибудь сама…

Кажется, я задремала, а очнулась от крика:

– Эй, ты, поехали.

– Куда? – испугалась я.

– За кудыкину гору. Одевайся.

Я торопливо оделась и вслед за мужчинами вышла из квартиры. Вот сейчас самое время заорать: «Помогите!» – и кинуться со всех ног. Павел покосился на меня и сказал:

– Ты дурака-то не валяй, башка у тебя одна, береги.

Бежать мне расхотелось.

На стоянке возле дома красовался темно-вишневый джип. К нему и направились. На водительское место сел Мишка, вырулил со стоянки, едва не размазав соседские «Жигули», и покатил по проспекту. Через двадцать минут мы тормозили возле «Дружбы», вышли, машину запереть никто не потрудился. В огромном холле нас ждал Витек.

– Ну? – бросил Павел.

– Третий этаж. Номер триста пятнадцать, она там.

Я прислушивалась с интересом, но ничего полезного для себя не почерпнула. Мы поднялись на третий этаж, конечно, в лифте. Витек пошел впереди, показывая дорогу, толкнул дверь триста пятнадцатого номера, и мы вошли. В кресле возле окна сидела женщина лет тридцати пяти, странно одетая и очень испуганная. При нашем появлении она вскочила и сказала:

– Здравствуйте.

Павел занял кресло напротив, Витек и Гиви – диван, Мишка замер у двери, мне сесть никто не предложил, я обнаружила стул и приткнулась возле окна.

– Ну, – сказал Павел.

Женщина вздрогнула.

– Говори, не бойся, – усмехнулся Витек.

– Так это… сказала я, как было… Я его еще в тот раз заметила, ну, еще весной. Видела в ресторане. Заметный мужик. И один всегда. Женщинами не интересовался. А тут… неделю назад сам ко мне подсел в баре. Поддатый. Говорит, выпей, сестренка. Выпили, потом он бутылку взял, и мы пошли к нему в номер. Хороший такой человек оказался, заплатил с лихвой. Всю ночь с ним проговорили.

– Вот это самое интересное, – усмехнулся Витек. – Он взял проститутку, чтобы всю ночь с ней трепаться за бутылкой. Это как?

– И о чем он говорил? – нахмурился Павел.

– О любви, – брякнула женщина и испуганно поежилась.

– О чем? – опешил Мишка.

– Ну, о любви. Сказал, влюбился. Встретил женщину, а она… в общем, не любит. Он и так, и эдак, только ей не нужен. Переживал очень.

– Ты ей фотографию показывал? – накинулся на Витька Мишка. Витек кивнул, а Мишка начал злиться: – Да не может быть, что я, Серегу не знаю?

– Подожди, – перебил Павел, – что за баба, что он говорил?

– Что обычно говорят? Красивая…

– Имя, имя называл? Где живет?

– Нет, просто говорил «она». Еще сказал, замужем. Говорил, жить без нее ни к чему.

– Но что-то же он о ней рассказывал? – влез Гиви. – О чем-то вы всю ночь трепались?

– Я, если честно, не очень слушала. Устала, да и выпила много. Но если бы он ее по имени назвал или адрес какой, я б запомнила. Уж очень интересно, кто ж его так по сердцу полоснул. Помню, говорил: не такой, как я, ей нужен, а английский лорд. Вот это запомнила. Я все, что знала, рассказала, можно мне уже идти, а?

– Пойдешь, – сказал Павел и вдруг кивнул на меня. – Ее знаешь?

Женщина замялась, а я насторожилась, хотя лицо ее было мне незнакомо и я готова была поклясться, что впервые ее вижу. Уловив ее замешательство, Павел прикрикнул:

– Ну!

Женщина вздрогнула и брякнула:

– Знаю, конечно.

От неожиданности я икнула.

– Говори, – заметно оживился Павел. – Кто, откуда знаешь?

– Ну, так Юлия Михайловна это, учительница английского, – сказала женщина, приподнялась, сделала дурацкий книксен и добавила: – Здрасте.

Я тоже привстала, глупо улыбаясь, и тоже сказала:

– Здрасте. Простите, не узнала…

– Гаврилова я. Миша Гаврилов, седьмой «Г».

– Миша? Хороший мальчик.

– Правда? – обрадовалась женщина. – А уж как английский любит, только и разговоров, что Юлия Михайловна да Юлия Михайловна… Как у него дела?

– Хорошо. Он очень способный. Пусть только за каникулы грамматику повторит, она у него немного хромает, я задание давала, вы уж проконтролируйте, пожалуйста.

– Конечно, он ведь…

– Заткнитесь обе, – сказал Павел. Мы разом вздрогнули и на него уставились. – Топай отсюда, – сказал он женщине. Она торопливо пошла к двери, но на выходе замешкалась и сказала, не глядя на меня:

– Юлия Михайловна, вы уж в школе-то… ведь для кого я стараюсь, ведь все для сына, в школу вот специальную отдала, чтоб человеком стал. Легко ли сейчас с

ребенком одной…

– Что вы, – испугалась я, – не беспокойтесь.

Женщина нерешительно улыбнулась мне и скрылась за дверью. Я облегченно вздохнула и села.

– Что скажешь, Гиви? – спросил Павел, закуривая.

– Чудеса. Влюбленный Серега таскается в этот городишко, а какая-то шалава над ним смеется.

Павел кивнул.

– Все сходится. Месяц назад он кольцо купил с огромным бриллиантом. Жена о нем понятия не имеет. Чудной был. Как пришибленный. Исчезнет, появится, все молчком. Сюда он к бабе ездил. Ежу понятно. И кончили его из-за бабы. Какие здесь еще дела? Найдем бабу, найдем убийц.

– Как же мы ее найдем? – пожал плечами Мишка.

– Найдем, – усмехнулся Павел, – слышал, что шлюха сказала: она замужем, а теперь прикинь, кто может вот так кончить любовника жены? Или деляга, или…

Все замолчали и вдруг уставились на меня. Я почувствовала себя неуютно, а потом и просто скверно, стала потолок рассматривать и напевать что-то про себя.

– Ну? – спросил Павел, от этого «ну» меня уже тошнило. Первым не выдержал Мишка:

– Да брось ты, Павел, у Сереги жена высший класс, а эта…

Витек пожал плечами. Гиви долго пялился, потом сказал:

– Какая-то она недоделанная.

– Сам недоделанный, – разозлилась я и прикусила язык.

Минут пять было тихо, потом Павел поднялся и сказал:

– Что ж, пора повидать местную братву. Где они там собираются?

По дороге у меня то живот схватывало, то тошнота подступала. Перед тем как в казино отправиться, заехали ко мне на квартиру. В кухне появилась большая спортивная сумка, вид которой мне не понравился, меня с кухни сразу погнали, там начался военный совет. Я попробовала подслушивать, но у дверей вертеться опасно, а из комнаты ничего не слышно.

Милиция по-прежнему не проявляла интереса к моей квартире, это злило, но, как ни странно, и успокаивало: а ну как эти чокнутые затеют перестрелку? Около десяти у меня появился Гиви и сказал:

– Одевайся, в казино едем.

Я надела свой лучший костюм и вышла в кухню. Павел посмотрел на меня и спросил сердито:

– Ты чуднее вырядиться не могла?

Я тоже на себя посмотрела и сказала:

– Костюм хороший, английский, настоящая шерсть.

– Выглядишь училкой.

– Что значит «выглядишь»? – разозлилась я. Конечно, они придурки, но за костюм было обидно, покупала я его в Лондоне, и он стоил кучу денег. – Что я, по-твоему, должна надеть? – спросила, вздыхая.

– Да иди хоть в мешке, – сказал он, и мы направились к выходу.

На стоянке возле казино дежурила охрана. Все выглядело очень внушительно и произвело на меня впечатление. Особенно два типа при входе, которые вдруг преградили нам дорогу.

– Момент, – сказал один, растягивая слова. – Сегодня у нас по приглашениям.

Павел лихо улыбнулся.

– Своих не узнаешь, братан? – спросил, выпевая гласные, это ему совсем не шло и потому выглядело особенно по-дурацки.

– Придется подождать, – парень говорил вежливо, и это вселяло надежду, что, возможно, обойдется без стрельбы. Я шла вслед за Павлом, он напористо двигался вперед, а я, подталкиваемая сзади Гиви, за ним. Охранник торопливо заговорил по рации, но успел вызвать только невидимого Серегу, Павел выбросил вперед руку, и он, странно хрюкнув, рухнул на пол. Второй выхватил пистолет, но Гиви сделал это на полсекунды раньше и ударил парня рукояткой в висок.

В полуобморочном состоянии я продолжала двигаться, не сбавляя шага. У дверей в зал нас встретили сразу четверо. Мне захотелось стать невидимкой.

– У нас вход по пригласительным, – не очень уверенно начал парень с рацией.

– Да мы понимаем, – с улыбкой кобры сказал Павел, широко раскинув руки. – Гиви, отстегни братве, как положено.

Неизвестно, чем бы дело кончилось, но в этот момент парень получил команду по рации, двери распахнулись, и мы вошли в зал ресторана. Слева возник метрдотель.

– Желаете поужинать?

– Желаем, – кивнул Павел, – нам местечко поспокойнее.

– Как прикажете.

Нас проводили к столику в нише, место действительно уютное, и обзор оттуда отличный. К сожалению, и мы были как на ладони. Я села и взяла протянутое меню.

– Мы просто так пришли или правда поужинаем? – мрачно спросила я: есть и в самом деле хотелось.

– Закажи что-нибудь.

Я заказала. Официант исчез, а я оглядела зал. Ничего особенно интересного. Возле противоположной стены за тремя сдвинутыми столами – компания сильно навеселе: яркий брюнет в окружении четырех девиц и нескольких бритых типов.

– Боксер, – сказал Гиви.

Я мысленно с ним согласилась.

– Слева, третий стол, – почти не разжимая губ, шепнул Павел.

Там тоже сидела довольно колоритная компания во главе со сморщенным, довольно противным мужичонкой.

– Мотя, – констатировал Гиви.

Афганца я нашла сама, это было нетрудно: бывший прав, его ни с кем не спутаешь. Он сидел в компании троих мужчин и, казалось, совершенно не интересовался происходящим. Боксер и Мотя, напротив, взирали на нас с интересом.

Принесли заказ. Мужики выпили по рюмке водки и стали закусывать. Я тоже принялась за еду, удивляясь про себя своей живучести. Время шло, а ничего не происходило.

Где-то через час от столика Моти отделился парень в широком пиджаке нараспашку и подошел к нам.

– Хозяин интересуется, какие дела у вас в нашем городе, – сказал он, обращаясь к Павлу.

– Я не болтаю о своих делах, – лениво ответил тот.

Ну что за публика, неужели нельзя ответить повежливее, глядишь, и ушли бы отсюда живы и здоровы.

– Мы тут чужаков не любим, – продолжал парень, – особенно если они невежливы с нашими людьми.

– Вы плохо принимаете гостей.

– Если гость желанный, мы всегда рады.

– Ступай к хозяину, передай, я хочу с ним потолковать.

Парень исчез. Я поежилась, вдруг осознав, как изменилась атмосфера в зале.

Мотя поднялся из-за стола, одновременно с ним встал Павел, они шли навстречу друг другу, а десятки глаз настороженно следили за ними.

Я поразилась, как четко они сошлись, точно на середине своего маршрута, рук друг другу не подали, застыли на мгновение, потом заговорили. Конечно, слов слышно не было. Вдруг, словно сигнал прозвучал, они повернулись спиной и разошлись. Все это почему-то напомнило замысловатые балетные па. Голова у меня, конечно, не в порядке. Павел сел рядом и стал неторопливо есть. Я ожидала, что он что-нибудь скажет, но он молчал. Я оглядела зал. Напряжение не спало, оно, казалось, сделалось ощутимее, гуще. Бодрости это не вселило.

– Внимательнее на выходе, – сказал Павел, подозвал официанта, расплатился, и мы пошли. Как могла я идти – ума не приложу. Павел держал меня под руку, и это особенно не нравилось: начнись пальба – я окажусь живым щитом, временно живым, конечно. Пока эти мысли бродили в моей несчастной голове, мы совершенно спокойно дошли до машины, сели в нее и выехали со стоянки. Я мысленно перекрестилась и закрыла глаза, вознося благодарственную молитву. Как выяснилось позже, я поторопилась.

– «БМВ», – сказал Гиви. Витек, сидевший за рулем, кивнул. Мужики заметно подобрались, а я, прекратив молиться, внезапно сообразила, где мы находимся, и заорала:

– Здесь проезд на проспект через двор!

Или я изъяснялась невнятно, или сообщение просто запоздало – слева появился грузовик. Я охнула и сползла на пол. Нас занесло вправо, потом повертело консервной банкой, потом хлопнули двери, и началась пальба. Машина была для меня довольно опасным местом, но выбраться из нее особого желания тоже не было: там, снаружи, били автоматы. Я закрыла голову руками, подтянула ноги к животу и попробовала представить, что будет дальше. Полет фантазии прервался минут через пять. Стало тихо. Но хоть тишина и вызывала любопытство, подниматься и выглядывать из машины я не торопилась. Послышались шаги, открылась дверь, и Гиви спросил:

– Эй, ты жива?

Я не удостоила его ответом, поднялась и стала отряхивать костюм. Смотреть вокруг было жутко, где-то рядом уже выли сирены. Витек сел за руль, остальные заняли места сзади, и мы покатили по разбуженному городу. На перекрестке вдруг развернулись. Я слабо охнула: мы тормозили возле казино.

– Я больше не хочу есть, – заметила я. Естественно, на это никто не обратил внимания.

На этот раз охрана не досаждала. Мы вошли в зал, подскочил растерянный метрдотель, и мы вновь оказались за нашим столом, который был свободен. Я беспокойно огляделась: зал напоминал осиное гнездо, а я, я сунула в него голову.

Павел поднялся и сказал, перекрикивая шум:

– Я думал, мы поняли друг друга, Мотя! – Он окинул взглядом зал и добавил громче: – Я хочу получить убийцу брата. Все поняли?

Может, это, конечно, и выглядело эффектно, но было глупо. Ну, чего лезть на рожон? Мы не в Голливуде, и здесь не кино, где главный герой лицо неприкосновенное. Худшее, что с ним может случиться, – немного намнут бока. А вот здесь, между прочим, можно вполне лишиться головы. Мне очень хотелось поделиться своими мыслями, но, подумав, я отказалась от этой идеи. Мужики накинулись на еду (странно все-таки у людей организмы устроены), а я продолжила изучение реакции зала. Мотя шел пятнами, Боксер ухмылялся, Афганец лениво жевал, Косой по-прежнему отсутствовал. Высидев что-то около часа, мы отправились домой. Я старалась отгадать, что нас ждет по дороге, и не отгадала: доехали мы без приключений, а возле моего дома нас ждал сюрприз: темный «Мерседес» мигнул фарами.

– Афганец, – сказал Мишка.

– Червонец, что Боксер, – отозвался Гиви.

– Червонец твой, – обиделся Мишка, потому что из машины вышел Боксер, закурил, демонстрируя свои руки, и не спеша направился к нам. Павел тоже вышел, закурил и сделал пару шагов. Вновь, как и в ресторане, встреча произошла на середине пути. Как это у них получается? – озадачилась я. Может, их где-то этому учат? Я открыла окна, пора мне было что-то узнать.

– Ты обидел Мотю, – усмехнулся Боксер.

– Он старый. На уши слаб, – в тон ему ответил Павел.

Боксер опять усмехнулся, покачал головой.

– Мотя наркоман и псих. Такой если заведется…

– Ты мне это хотел сказать?

– Я хотел сказать, что ничего не имею против тебя. Ни я, ни мои люди. И я знать не знал о твоем брате. Зато я знаю, что, если Мотя дергается, значит, неспроста.

– А Афганец?

– Афганец? – Боксер сплюнул. – Лешка мужик чудной, с ним как в тумане. Только он стрелять не любит. Принципы у него.

– Косой?

Боксер опять сплюнул.

– Дерьмо. Шагу без Моти не сделает. Если он, то давно в штаны наложил и к Моте кинулся.

– Значит, Мотя?

– Прикинь, если не его работа, с чего б ему дергаться?

Боксер повернулся, пошел к машине, бросил через плечо:

– С ментами осторожней, Мотя их с потрохами купил.

– Ну, что? – спросил Павел уже в квартире.

– Черт их разберет. Посмотрим. Шевелиться мы их заставили, а там…

– Как Боксер?

– Поди разбери. Может, хочет с Мотей разделаться, а может, и правду сказал.

– Вот что. Пошарьте в квартире как следует. А я позвоню Бате, придется помощи просить, менты у нас под ногами путаться не должны, в этом Боксер прав.

Павел засел за телефон и полчаса беседовал с человеком, которого назвал Батя, если учесть, что он сирота, оставалось только гадать, кто это. Остальные принялись громить мою квартиру. Надолго меня не хватило, и я полезла к Павлу:

– Можно узнать, что ищем?

– Что-нибудь интересное. Кольцо с бриллиантом, к примеру.

– А, это ими торгуют в нашем гастрономе?

– У тебя еще одна задница про запас?

Я опечалилась.

– Мне что, ищите.

Устроившись в кресле, я попробовала читать. С кресла меня согнали, я пересела на диван, согнали с дивана. В этот момент Мишка добрался до шкафа, распахнул дверцы, присвистнул и полез ко мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/tatyana-polyakova/tonkaya-shtuchka

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити